

Е. Ф. КРИНКО

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Советская национальная политика и межнациональные отношения на Северо-Западном Кавказе во время Великой Отечественной войны в последнее время вызывают повышенный интерес со стороны различных исследователей. Дополнительную актуальность им придают не только ситуация в современной исторической и этнополитической науке, способствующая активному переосмыслению прежних положений, но и процессы, происходившие в регионе в 1990-х – начале 2000-х гг., возникновение которых нередко связывается с событиями военного времени. Следует отметить, что отечественные исследователи неоднократно обращались к проблемам национальной политики и межнациональных отношений в СССР в годы войны, их освещение получило соответствующее отражение в историографических работах (1). В то же время, опыт разработки вопросов советской национальной политики и межнациональных отношений на Северо-Западном Кавказе еще не являлся предметом специального исследования, за исключением его отдельных аспектов (2). Задачи настоящей статьи заключаются в анализе основных этапов развития советской и современной российской историографии данных проблем, определении дальнейших перспектив их изучения.

Первые работы на рассматриваемую тему вышли непосредственно в годы войны и активно пропагандировали идею нерушимой дружбы советских народов. Их авторы писали, что она зародилась в их совместной борьбе с царизмом, продолжала развиваться и крепнуть в годы Гражданской войны, в

Кринко Евгений Федорович – доктор исторических наук, зав. кафедрой социально-гуманитарных и естественных дисциплин АФ СКАГС.

ходе социалистического строительства, но настоящую, боевую проверку прошла именно в годы Великой Отечественной войны (3). Дружба народов провозглашалась «непременным условием могущества и непобедимости Советского Союза, непобедимости многонациональной Красной Армии, основой прочности советского строя» (4). Считалось, что она опиралась на «ленинско-сталинскую национальную политику», приведшую к ликвидации хозяйственной и культурной отсталости национальных районов и нашедшую юридическое закрепление в Конституции 1936 г. Внимание, уделявшееся данной теме, выразилось в постоянном увеличении числа публикаций. Согласно подсчетам С. И. Семакина, только в газете «Правда» в 1941 г. было помещено 52 материала о боевом содружестве и героизме народов СССР в Великой Отечественной войне, в 1942 г. – 97, в 1943 г. – около 170, в 1944 г. – 117 (5).

Вопросы дружбы народов раскрывались и непосредственно на материалах Северо-Западного Кавказа. Ряд авторов пропагандировал «замечательные успехи ленинско-сталинской национальной политики» в регионе, отмечал стремление народов Кавказа отстаивать независимость в борьбе против захватчиков, подчеркивал их героические традиции (6). Так Н. Эмиров завершил свою работу выражением уверенности в победе над врагом: «Героические народы Кавказа били немцев в 1918 г., бьют их и сейчас и будут бить, пока на советской земле не останется ни одного фашистского захватчика» (7). Широко пропагандировались и идеи создания единого славянского фронта против фашистов, а в конце войны все чаще подчеркивалась ведущая роль русского народа в борьбе с врагом.

Работы военных лет, характеризующие советскую национальную политику и межнациональные отношения на Северо-Западном Кавказе, еще не могут считаться научными исследованиями, но именно с них берет начало изучение данной темы, тесно связанное с пропагандистскими задачами. Поэтому в литературе того времени вообще не упоминались национальные противоречия в регионе и депортация части его жителей.

В послевоенное время, по словам современного исследователя, «сюжеты о совместной борьбе с врагом народов СССР стали в советской исторической литературе традиционными. Они разрабатывались во всех без исключения регионах Советского Союза» (8). Данная тема рассматривалась как в общих работах (9), так и исследованиях, посвященных истории Северо-Западного Кавказа, авторы которых развивали высказанные в годы войны положения. К. Я. Опишанская отмечала: «В годы войны еще более окрепла вся нерушимая дружба народов Советского Союза, созданная на прочной основе ленинско-сталинской национальной политики Коммунистической партии». В основе ее, по мнению историка, лежали общие жизненные интересы народов

СССР: «горячее стремление защитить добытую в революционных боях Советскую власть, свободу и независимость и построить коммунистическое общество» (10).

Первые диссертационные исследования по истории региона в годы Великой Отечественной войны обычно начинались с описаний тяжелой жизни трудящихся разных национальностей Северо-Западного Кавказа до революции, обязательно отмечали роль Октября 1917 г. в судьбе народов России. В. М. Глухов, отражая общие тенденции развития историографии, писал: «Только благодаря ленинско-сталинской национальной политике дружбы народов, при братской помощи великого русского народа Адыгея смогла превратиться за годы советской власти из отсталой колонии русского царизма в область высокоразвитой промышленности, создать национальные кадры квалифицированных рабочих и производственно-технической интеллигенции» (11). Яркими показателями «невиданного культурного подъема адыгейского народа за годы довоенных сталинских пятилеток» считался «расцвет национальной по форме и социалистической по содержанию культуры», развитие просвещения, здравоохранения, искусства и литературы, изменение положения женщины (12).

По словам исследователей, в годы Великой Отечественной войны перед лицом смертельной опасности все народы Советского Союза «по призыву великого вождя товарища Сталина поднялись на защиту своего Отечества» (13). В подтверждение братской дружбы народов Северо-Западного Кавказа историки приводили примеры мужества и героизма сынов и дочерей Адыгеи и Черкесии на фронтах и в тылу в годы войны. При этом в работах послевоенного времени в качестве «старшего брата» в дружной семье народов СССР выделялся русский народ: «Величайшей благодарностью полны сердца трудящихся адыгов к своему старшему брату – великому русскому народу, вынесшему на своих плечах тяжесть войны и сплотившему вокруг себя в крепкую братскую семью все народы Советского Союза» (14). К. Я. Опишанская также отмечала руководящую роль русского народа, его замечательные качества: «Он выступил как руководящий народ, как выдающаяся нация среди всех наций, входящих в состав Советского Союза» (15).

В то же время в литературе послевоенных лет по-прежнему почти ничего не говорилось о депортациях и судьбах репрессированных карачаевцев, немцев и других жителей краев и автономных областей Северо-Западного Кавказа. Лишь в отдельных исследованиях, вышедших уже после смерти И. В. Сталина, встречаются упоминания о том, что и среди кавказских народностей нашлись те, «которые в 1942 г. изменили союзу с великим русским народом»: чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, калмыки и др. (16).

В период «оттепели» началась реабилитация репрессированных народов, но в эти годы она так и не получила своего завершения, а депортации не было

дано соответствующей политической и правовой оценки. Изменения в осмыслении данной проблемы также сказались не сразу. По-прежнему историки значительное внимание уделяли дружбе и сотрудничеству народов Северо-Западного Кавказа, но при этом стали разделять и противопоставлять ленинский и сталинский подходы в советской национальной политике (17). Депортации стали рассматриваться как нарушения «социалистической законности» и «ленинской национальной политики», их причины связывались лично с И. В. Сталиным, а особенно с Л. П. Берией. Подобный подход проявился в фундаментальном труде по истории Великой Отечественной войны¹.

Переходное состояние в развитии историографии проблемы отразила статья Д. А. Напса, ставшая первой обобщающей работой, раскрывающей участие народов Карачая и Черкесии в войне. Не упоминая вообще о депортации карачаевцев и ликвидации их автономии в годы войны, автор отметил факт ее восстановления: «Партия смело ликвидировала последствия культа личности Сталина и в 1957 г. восстановила национальную государственность карачаевского народа» (19). Вопросы депортации и реабилитации народов Северо-Западного Кавказа, репрессированных в годы войны, не получили своего осмысления в историографии середины 1950-х – середины 1960-х гг.²

Во второй половине 1960–1980-х гг. внимание исследователей к вопросам дружбы и сотрудничества различных народов СССР, в том числе Северо-Западного Кавказа, возросло (21). Историки обратились и к судьбе карачаевского народа, считая в соответствии с уже сложившейся традицией, что достигнутые им и черкесским народом успехи «убедительно показывают, каких больших успехов в короткое время могут добиться ранее угнетенные, отстающие народы на основе последовательного проведения в жизнь ленинской национальной политики» (22). Для характеристики межнациональных отношений в Красной Армии в годы войны употреблялись выражения «боевое братство», «одна боевая семья», «братский союз народов СССР». Авторы общих и специальных работ утверждали: «Не оправдались расчеты фашистов на то, что между народами Северного Кавказа возникнут распри. Сыны и дочери горских народов, беспредельно преданные Советской Родине, сражались мужественно бок о бок с представителями всех народов нашей страны... Сотни казаков совершали героические подвиги» (23).

¹ При этом в тексте допущена поразительная, особенно на фоне общего, весьма солидного уровня данного издания, ошибка (опечатка?): в списке репрессированных народов вместе карачаевцев указаны... черкесы (18).

² Уже после завершения «оттепели», в 1965 г. Х. И. Хутуев защитил кандидатскую диссертацию о депортации и реабилитации балкарцев, ставшую первым в советской историографии специальным исследованием на данную тему (20).

Некоторые изменения появились в эти годы в оценке роли русского народа в победе в войне, слова о «старшем брате» постепенно исчезли из употребления, что было связано с выводом о формировании в СССР новой социальной общности – советского народа. В то же время, при характеристике вклада всех народов в дело разгрома врага отмечалось, что русский народ сплотил все остальные «нации и народности страны в единую братскую семью», оказал «бескорыстную помощь ранее отсталым народам» и сыграл решающую роль в борьбе с врагом (24).

В качестве аргументов, доказывавших дружбу и боевое сотрудничество народов Северо-Западного Кавказа, историки приводили национальный состав частей Красной Армии и партизанских отрядов, количество Героев Советского Союза и лиц, награжденных орденами и медалями СССР. Исследователи утверждали, что удельный вес воинов каждой национальности соответствовал ее удельному весу в общем составе населения СССР (25), описывали подвиги представителей разных народов при обороне Брестской крепости, Одессы и Севастополя, Ленинграда и Новороссийска, в битвах под Москвой, Сталинградом и Курском, штурме Берлина и особенно – в период битвы за Кавказ (26). Подтверждениями дружбы народов Северо-Западного Кавказа также считались широкий размах народной борьбы в тылу врага, упорный труд в тылу, размах социалистического соревнования, интернациональная помощь фронту.

Депортациям в рассматриваемый период уделялось немного внимания, в фундаментальных трудах и справочных изданиях по истории войны им не было посвящено специальных разделов или статей. В очерках по истории ставропольской партийной организации приводились лишь краткие сведения: «К сожалению, в условиях культа личности антисоветские действия националистического отребья были приписаны целым народностям Северного Кавказа, в том числе и карачаевцам, в результате чего в ноябре 1943 г. они были лишены национальной автономии и выселены из родных мест». Подчеркивалась положительная роль партии в восстановлении справедливости в отношении карачаевцев: «Впоследствии по инициативе ЦК КПСС ошибочное решение в отношении карачаевцев и некоторых других народностей Северного Кавказа было отменено, а их автономия восстановлена» (27). В обобщающем труде по истории Ставропольского края о депортациях вообще не говорилось, упоминалось лишь восстановление автономии карачаевцев (28).

Более подробное описание депортации карачаевцев содержится в обобщающей работе по истории Карачаево-Черкесии, но приводимые факты интерпретировались в полном соответствии с идеологическими требованиями эпохи. В ней отмечались «нарушение национальной политики» в 1943 г., ликвидация автономии Карачая, однако указывалось, что «никакие извращения

не могли изменить природы социалистического строя, поколебать социально-экономическую основу нашей страны, разрушить дружбу народов». Авторы главы о развитии Карачая и Черкесии в годы Великой Отечественной войны В. А. Нежинский и К. Т. Лайпанов уделили немало внимания «трудовому вкладу карачаевцев в дело разгрома врага» в ссылке. Они привели многочисленные примеры трудового героизма карачаевцев, которые «на новых местах жительства» добивались высоких урожаев в сельском хозяйстве, научившись выращивать новые для них сельскохозяйственные культуры (сахарную свеклу, хлопок и др.), упорно трудились в промышленности, строительстве, на транспорте. Выделяя роль партийных и советских органов Казахстана, Киргизии и Узбекистана в размещении и трудоустройстве карачаевцев, исследователи писали: «В лице русского, казахского, киргизского, узбекского и других народов, проживавших в Средней Азии и Казахстане, карачаевцы приобрели новых друзей. Они активно включились в хозяйственную и общественную жизнь республик Средней Азии и Казахстана и внесли свой вклад в их народное хозяйство и культуру» (29).

В специальном разделе следующей главы, посвященной послевоенному восстановительному периоду, говорилось об участии карачаевского народа в восстановлении и развитии народного хозяйства республик Средней Азии (30). При характеристике реабилитационных процессов периода «оттепели» кратко упоминалось восстановление автономии карачаевцев, как результат выполнения решений XX съезда КПСС. Подробно раскрывалась работа партийных и советских органов региона по устройству карачаевцев, оказание им материальной помощи, выделение средств на благоустройство городов, строительство и ремонт школ, больниц, детских и просветительских учреждений, жилья. Отмечались проявления дружбы народов при возвращении карачаевцев: «Русские, черкесы, абазины, ногайцы, осетины и другие народы, с которыми бок о бок жили карачаевцы столетиями, встречали их по-братски» (31).

Первой же специальной работой, рассматривающей процессы депортации и реабилитации карачаевцев, стала кандидатская диссертация Ч. С. Кулаева. Объяснения данным явлениям историк дал в соответствии со сложившимися подходами: «В условиях культа личности к карачаевскому народу были допущены произвол и насилие. Берия и его сообщники сфабриковали ложный обвинительный материал по отношению к карачаевскому народу». Автор возложил персональную ответственность за организацию депортации на Л. П. Берия, который, «стремясь посеять национальную рознь и подорвать дружбу народов СССР, создал обстановку недоверия и подозрительности к отдельным народам, пытаясь противопоставить одни народы Кавказа другим». Его действия Ч. С. Кулаев назвал «прямым нарушением основ ленинской на-

циональной политики – политики равноправия и дружбы народов, суверенитета и свободного самоопределения всех наций нашей страны», «грубейшим нарушением социалистической законности». Начало реабилитации он также связал с «разоблачением» Л. П. Берии, после чего «раскрылись факты грубейших нарушений социалистической законности» (32). При этом исследователь отмечал: «Нельзя отрицать, что среди карачаевцев, как и у других народов нашей страны, имели место случаи дезертирства, проявления трусости и другие нежелательные явления, но не единичные факты характеризуют карачаевский народ. Наоборот, большой фактический материал говорит о бесстрашии и героизме карачаевцев, о патриотизме и самопожертвовании во имя победы над врагом» (33). Впервые введя в научный оборот материалы архивов, как местных, так и Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Ч. С. Кулаев охарактеризовал упорный труд и тяжелое положение карачаевцев в ссылке.

К вопросам депортации обращались и участники областной научно-практической конференции 1977 г., отметившие, что карачаевцы были необоснованно обвинены и несправедливо выселены в восточные районы страны, «ибо нельзя отождествлять народ с кучкой предателей, изменников, пособников гитлеровцев». После устранения извращений «ленинской национальной политики» карачаевцев реабилитировали и вернули, в чем М. Боташев увидел заслугу партии, указав на необходимость усилить борьбу «с проявлениями национальных и религиозных пережитков, устаревших семейно-бытовых порядков, реакционных и сословных традиций» (34). Большинство других работ, в лучшем случае, содержали информативные сведения, мало прояснявшие сущность депортаций, их причины и последствия, или вообще обходили данные вопросы.

Таким образом, в 1960–1980-е гг. тема советской национальной политики и межнациональных отношений народов Северо-Западного Кавказа нашла более полное отражение в советской историографии. Однако трактовка данных вопросов находилась под влиянием идеологии, по-прежнему прославлялась и пропагандировалась дружба и боевое сотрудничество народов региона, а к теме депортаций историки обращались достаточно редко, тем более что многие документы оставались засекречеными. Даже текст Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область» не публиковался в полном объеме (35).

Напротив, немало внимания депортациям уделили авторы-эмигранты, подход которых к рассматриваемой теме кардинально расходился с тем, как писали об этом советские историки (36). Пожалуй, наиболее четко данную позицию обосновал А. Авторханов, охарактеризовавший СССР как своеобразную «империю зла». В качестве наиболее страшного государственного

преступления рассматривались депортации народов в СССР, которые А. Авторханов назвал «практикой геноцида гитлеровского типа, когда целый народ, включая стариков, женщин, детей, только по одному расовому признаку объявлялся “вражеским народом”» (37). При этом А. Авторханов отверг любые обвинения в союзнничестве народов Северного Кавказа с оккупантами, как и версии о создании банд на территории региона: «Они “появились” в результате фальсификаций, придуманных Берией, Сталиным и их местными прихлебателями». Причины депортаций он связал с сущностью и характером советского строя, цели которого могли быть реализованы только путем принесения в жертву собственных народов, а основание к выселению увидел в национально-освободительной борьбе горцев, ведших «перманентную партизанскую войну в горах Кавказа» против имперской политики России, начиная с Кавказской войны (38). Впрочем, эмигрантская историография развивалась обособленно от советской исторической науки и вплоть до недавнего времени практически не оказывала на нее серьезного влияния. Более того, по мнению С. У. Алиевой, эта историография сыграла негативную роль в положении самих репрессированных народов, «подтверждая и усиливая огульные сталинские обвинения этих этносов в антисоветских настроениях и действиях» (39).

В 1990-е гг. в развитии отечественной историографии проблемы начался новый этап, связанный с изменением обстановки в стране, возобновившейся реабилитацией, появлением новых оценок советского прошлого, наконец, с рассекречиванием документов. Пристальное внимание исследователей к рассматриваемым сюжетам имело и политическую подоплеку, связанную с обострением межнациональных проблем и появлением целого ряда «горячих точек» как в самой России, так и за ее пределами. В результате В. А. Тишков считает, что история «национально-государственного строительства в СССР оставила в памяти народов многочисленные травмы и порождающие конфликты проблемы, которые проявились позднее, в условиях перестройки» (40). Н. Ф. Бугай связывает современные негативные процессы в сфере межнациональных отношений и причины межнациональных конфликтов на территории Российской Федерации с национальной политикой, осуществившейся в условиях «социалистического эксперимента» (41).

Оценки советской национальной политики, появившиеся в литературе на рубеже 1980–1990-х гг., не отличались новизной и повторяли сформулированные западными авторами и эмигрантами обвинения коммунистического режима в совершении ряда преступлений против советских народов, прежде всего, массовых депортаций, ликвидации их национальной государственности и разрушении исконной среды обитания. Отдельные авторы видели в этом продолжение жестокой колониальной политики Москвы, подавлявшей национально-освободительное движение горцев. Но постепенно в отечественной

науке стали складываться иные подходы к советской национальной политике и межнациональным отношениям в годы войны, что было обусловлено обновлением теоретико-методологической базы исследований и введением в научный оборот новых данных.

В целом, современная историографическая ситуация характеризуется плюрализмом мнений и оценок в отношении указанных проблем. В частности, интерпретация советской национальной политики, предложенная В. А. Тишковым, основана на «подходах социально-культурной антропологии и новейших достижений в области изучения этничности, национализма и этнических конфликтов» (42). Он отмечает, что осуществление масштабного проекта по реализации доктрины этнического национализма стало возможно в рамках единого государства «только по причине утвердившегося в нем тоталитарного государства». В результате репрессии с самого установления советской власти должны были обеспечить создание однородных по своей социальной природе «социалистических наций трудящихся» (43). По мнению Ю. А. Полякова, война «высветила как положительные стороны существования единого государства, так и наличие сепаратистских настроений, которые в мирное время были приглушены». Впрочем, он признает, что «центростремительные силы оказались, безусловно, значительнее, мощнее центробежных» (44). Н. А. Кирсанов, отметивший мобилизацию в Красную Армию представителей всех народов СССР, указывает, что оккупанты на захваченной территории стремились «активизировать, а во многих случаях сотворить заново антисоветский или антирусский фактор». Далее он утверждает: «Нередко им это удавалось. Тому благоприятствовали сложности этнической структуры в СССР, усугубленные историческими пережитками, националистическими предрасудками, ошибками и перекосами в политике» (45).

В 1990-х гг. вышли новые работы, предлагавшие иные, отличавшиеся от прежних, оценки советской национальной политике на Северо-Западном Кавказе, вводившие в научный оборот новые данные по этой проблеме. Например, В. Д. Дзидзоев отметил формирование в автономиях, наряду с национальным рабочим классом и национальной интеллигенцией, национальных отрядов номенклатуры, которая с течением времени все больше хотела собственной самостоятельности (46). Часть авторов сохраняет приверженность выводам о единстве народов Северо-Западного Кавказа в годы войны. Ф. У. Айбазова утверждает, что они «защищали не только родные земли, но и те, завоеванные за годы Советской власти успехи в мирном, хозяйственном и культурном развитии» (47).

Широкое освещение в последние годы получили вопросы депортаций народов Северо-Западного Кавказа. Одним из первых этой теме обратился Х. М. Ибрагимбеи (48). Немало ценных данных о судьбе ссыльных и спецпо-

селенцев ввел В. Н. Земсков¹. Но особенно важную роль во введении в научный оборот комплекса новых источников, среди которых документы высших органов государственной власти СССР, сыграл Н. Ф. Бугай (50). Депортацию народов Северо-Западного Кавказа также освещают работы А.-Х. У. и Р. М. Кушчетеровых, К. Чомаева, диссертации Э. А. Аджиевой, А. М. Гонова, А. С. Хунагова и других исследователей. Они характеризуют депортацию в целом и ее последствия (51), принудительное переселение отдельных народов Северо-Западного Кавказа: карачаевцев (52), немцев, греков и других жителей (53). Данные вопросы нашли отражение в общих работах по истории отдельных народов Северо-Западного Кавказа (54), исследованиях по истории региона в годы войны (55), им были посвящены несколько всероссийских научных конференций (56). По теме депортаций опубликованы специальные сборники документов (57).

Новые исследования и документы позволяют проследить сам порядок проведения депортации, выяснить общее количество выселенных граждан. Практически все современные исследователи осуждают депортации как антигуманные и незаконные акции, «произвол сталинского тоталитарного режима»; отдельные авторы говорят о геноциде в отношении репрессированных народов (58).

Причины депортаций получили разное объяснение в историографии. Формальным поводом для нее послужили типичные обвинения в том, что отдельные народы вели себя «предательски», в массовом порядке сотрудничали с немцами в период оккупации региона, создавали бандформирования, нападавшие на советские войска. И. Алиев считает, что эти банды были «обнаружены» именно в Карачае, а не в Черкесии, потому что «в горах Карачая дислоцировались партизанские отряды и края, и Черкесии, и самого Карачая». По его мнению, в данном случае «соединились воедино интересы Суслова (спасти живот), Берии и Сталина. У последних, как теперь известно, были более «благородные» намерения – расширить Грузию за счет Северного Кавказа» (59).

Версия о том, что депортация карачаевцев имела своей целью «очистить» один из лучших по природно-климатическим условиям регионов Северного Кавказа для Грузии нашла широкое отражение и в работах других авторов (60). В качестве аргументов приводится почвенная карта Северного Кавказа, изданная в 1942 г. Академией наук СССР, где столица Карачая г. Микоян-Шахер уже получил грузинское название Клухори (которое он носил в 1943–1957 гг.), а также данные об «очищении» Грузии от «негрузин» (61). Авторы

¹ Данные сведения были впервые опубликованы в ряде статей В. Н. Земскова, а затем обобщены в его монографии (49).

одной из последних обобщающих работ, развивая данные положения, указывают на то, что в насильственном выселении были заинтересованы несколько группировок – «грузинская» (во главе с «национал-державниками в Кремле»), «ставропольская» (Суслов и его «полководцы») и «кабардинская» («кабардинский национал-большевик Кумехов» – руководитель Кабардино-Балкарии в годы войны) (62).

Возражая им, другие историки отмечают, что территории выселенных народов передавались не только Грузии, а депортации подвергались и народы, вовсе не граничившие с Грузией. Кроме того, политику на Северном Кавказе «определял далеко не один М. А. Суслов» (63). Ряд исследователей приводит документальные свидетельства того, что на Северо-Западном Кавказе имело место массовое распространение бандитизма в годы войны. В частности, А. М. Гонов связывает депортацию карачаевцев с общей обстановкой в регионе, приведя факты дезертирства, действий немецких агентов и местных банд. Он называет депортацию карачаевцев, как и других народов Кавказа, «насильственным (вынужденным) переселением» (64), что вызвало резкую критику со стороны других авторов, прежде всего карачаевских историков, считающих, что документы НКВД были прямо сфальсифицированы (65). Не исключая в принципе подобной возможности, мы полагаем, что данные выводы нуждаются в дополнительных доказательствах, глубоком источниковедческом анализе имеющихся материалов.

Отдельные исследователи видят корни депортации в природе советского тоталитарного режима или в личных качествах советских руководителей. Э. В. Черняк считает, что целью массового террора против малочисленных народов являлось не столько их «наказание», сколько устрашение более многочисленных народов. По его мнению, депортации были «средством продвижения к стиранию национальных различий», способом решения межнациональных противоречий (66). Схожие причины указывает Н. Ф. Бугай: «Усиление тоталитарного режима обуславливало использование в национальной политике таких жестких методов, как депортация целых народов и групп населения» (67). Выделив целый комплекс факторов, обусловивших депортации, А. Д. Койчуев в качестве главной причины также называет утверждение тоталитаризма (68). В данной связи отдельные авторы говорят о том, что репрессии замышлялись еще до войны (69). Р. Кушцетеров считает, что «сталинская национальная политика дружбы и братства народов СССР» преследовала «одну цель – прекратить существование целых этносов. Это был настоящий геноцид» (79).

По мнению В. А. Тишкова, цель этнических депортаций трудно объяснить какими-либо мотивами, «кроме как безумными геополитическими фантазиями “вождя народов” или его маниакальной подозрительностью», депортации продолжались и после войны, когда даже формальная необходи-

мость в них исчезла. В то же время, В. А. Тишков, как и ряд других авторов, указывает на «определенные соображения по использованию рабской силы для осуществления индустриальных проектов» на востоке страны. Он также предполагает стремление властей «упростить этническую мозаику населения страны, которая как бы не укладывалась в схему формирования “социалистических наций” на основе национальных государственных образований» (71). Есть авторы, связывающие депортацию карачаевцев, как и других тюркоязычных мусульман, с внешнеполитическим фактором – возможностью создания антисоветского исламского блока под эгидой Турции (72).

Разные точки зрения высказаны и по вопросу о том, кто несет личную ответственность за депортацию. Н. Ф. Бугай полагает, что «вина в проведении мер по депортации должна быть отнесена исключительно к Сталину и его окружению». Остальные участники событий – комиссары, офицеры, солдаты – были лишь рядовыми исполнителями. Напротив, А. Некрич указывал на то, что «депортацию нельзя списать на злую волю Сталина – все подготавливалось снизу» (73).

Современные карачаевские авторы подчеркивают личную заинтересованность М. А. Суслова в депортации карачаевцев. Корни «звериной неприязни Суслова к народу» И. Алиев, опираясь на воспоминания стариков, увидел в его «обиде» на карачаевцев, возникшей в одну из поездок первого секретаря крайкома партии в горы, когда у не знавшего обычаев Суслова столкнувшийся с ним ряженный карачаевец забрал пистолет и, «кажется, дал пришельцу по шее» (74). Напротив, С. И. Линец указывает, что вплоть до самого выселения «в краевой печати карачаевцы характеризовались как активные и самоотверженные борцы с оккупационным гитлеровским режимом». Эти факты рассматриваются как свидетельства того, что «М. Суслов не являлся одним из инициаторов выселения. Но когда она готовилась и осуществлялась, краевой партийный руководитель активно содействовал ей, в том числе и по причине собственного самосохранения» (75).

В историографии рассматривалось влияние депортации на этнодемографическую ситуацию в регионе. В результате принудительного выселения некоторые народы оказались перед угрозой полного исчезновения. Изменилась общая структура населения Северного Кавказа, что в совокупности с изменением административно-территориальных границ заложило основы для новых межнациональных конфликтов (76). Отрицательно сказалась депортация и на развитии экономики региона: из оборота выпадали земельные площади, утрачивались прежние навыки животноводства и земледелия, традиционные ремесла. В историографии отмечается, что на принудительное переселение народов тратились немалые средства, столь необходимые стране во время войны.

В центре внимания историков оказалась и дальнейшая судьба выселенных народов. Историки раскрыли трудовую деятельность карачаевцев, немцев и других спецпереселенцев в ссылке, несмотря на тяжелые условия жизни, их ограничение в гражданских правах, в возможности соблюдать обычаи, получать образование, возвращаться на прежнее место жительства. Вследствие принудительного переселения произошли резкие изменения в среде обитания и жизненном укладе, питании и материальном обеспечении репрессированных народов, значительно пострадала их культура (77). Исследователи утверждают, что «насильственное вживление в чужеродную этническую среду и непривычные климатические условия ломали, уродовали генотип» (78). Э. А. Аджиева считает, что на востоке страны были преднамеренно «созданы условия для вымирания от голода» целых народов (79).

В. Г. Шнайдер объясняет «практически безропотное подчинение горцев выселению» страхом, порожденным характером советской социально-политической системы, условиями военного времени, характером горских обществ с сильно выраженными кровнородственными связями, жестокостью войск НКВД, мощной и хорошо организованной акцией, наконец, отсутствием явного сочувствия, сострадания и поддержки со стороны соседей (80). Он попытался осмыслить социокультурные основания депортации, ее влияние на менталитет репрессированных народов, формирование у них ощущения «народов-изгоев». И. Алиев также отмечает, что у карачаевцев сформировался «синдром страха и недоверия к властям», настолько сильный, что, например, многие семьи даже положенную им ссуду после реабилитации не стали брать у государства: «неизвестно, во что это еще потом выльется» (81).

Появились специальные исследования, в том числе выполненные на материалах Северо-Западного Кавказа, посвященные реабилитации репрессированных народов (82). Их авторы отмечают половинчатый характер реабилитации конца 1950 – начала 1960-х гг. Карачаевские исследователи подчеркивают, что национальная автономия Карачая так и не была восстановлена, а при образовании Карачаево-Черкесской автономной области 9 января 1957 г. «не были учтены мнения ни карачаевского, ни черкесского, ни какого-либо другого народа» (83). В то же время, проанализировав мероприятия по созданию необходимых жилищных, культурно-бытовых, производственных условий для приема и размещения прибывших карачаевцев, Р. С. Тебуев пришел к выводу о том, что «огромная помощь государства положила начало возрождению объединенной Карачаево-Черкесии и со временем превратила ее из аграрной в аграрно-индустриальную» (84).

Ряд современных авторов указывают на противоречия и конфликты, возникавшие в отношениях депортированных граждан со своими старыми и

новыми соседями. Так, исследователи отмечают привлечение к выселению представителей других этносов – «коварный маневр Берии», направленный на то, чтобы надолго поссорить народы между собой (85). В литературе встречаются утверждения о том, что «немало было случаев жестокого обращения местных жителей со спецпереселенцами. Еще бы, ведь привезенные под конвоем были представлены властями как изменники, враги, преступники» (86). В свою очередь, возвращение из ссылки порождало новые конфликты (87). И. Алиев указывает, что возвращение народа, в целом, происходило благополучно, если «сбросить со счетов такие “мелочи”, как необходимость выкупать собственные дома, доставшиеся “хозяевам” бесплатно вместе с имуществом, как отдельные стычки между вернувшимися и “хозяевами” и на этой почве, и на почве оскорблений (“Вот, вернулись бандиты, на нашу голову...”), как случаи непринятия на работу и т. д.» (88). Эти данные противоречат прежней, идиллической картине дружбы народов, изображавшейся советскими историками.

По мнению ряда региональных авторов, с окончанием «оттепели» произошло сворачивание демократических перемен, что сказалось и на положении карачаевского народа. Они утверждают, что в 1970-е – начале 1980-х гг. в области проводилась «последовательная травля карачаевского народа», имевшая целью «оправдать депортацию карачаевцев». Она выразилась в появлении критических газетных публикаций, перекосах в развитии экономики, финансировании карачаевских районов, кадровой политике, проводившейся в автономной области. Ответственность за эти меры также возлагается на М. А. Сулова.

Реабилитационные мероприятия 1989–1990 гг. получили положительную оценку Р. С. Тебуева (89). Напротив, В. Муравьев, отметив целесообразность совершенствования и развития законодательной базы реабилитации, выразившуюся в принятии специальных нормативно-правовых актов в начале 1990-х гг., указывает на трудности в их реализации, связанные как с общей тяжелой социально-экономической ситуацией, в которой находилась Россия, так и с непродуманностью самих актов (90). Карачаевские авторы говорят о необходимости не только материальной, политической, но и морально-психологической реабилитации народа, «что означает разрушение государственными органами... отрицательного стереотипа народа в глазах других народов» (91).

Появились и работы, авторы которых пытаются объяснить, почему не были репрессированы другие народы Северо-Западного Кавказа. Так в книге «Земля адыгов», названной «своеобразным “путеводителем” по истории заселения Земли адыгов», а по своему содержанию представляющей скорее хрестоматию, целый раздел назван «Адыги и Сталин». Большая его часть в

апологетической форме излагает биографию «признанного вождя миллионов». Авторы книги утверждают: «В Адыгее многие помнят и чтут И. В. Сталина. Наряду с прочими, у адыгов есть и свои, сугубо личные причины быть благодарными вождю». Причины для «особой» благодарности они видят в том, что адыги... не были репрессированы: «В начале 40-х гг. были репрессированы почти все ближайшие соседи адыгов... Все шло к тому, что следующей жертвой могли стать адыги. Есть факты, свидетельствующие, что в те годы органами НКВД был даже подготовлен проект их выселения. Но И. В. Сталин... запретил даже думать об этом. “БЕЗ АДЫГОВ КАВКАЗ – НЕ КАВКАЗ (выделено в тексте – **Е. К.**)”, – этими словами был остановлен маховик репрессий против адыгов». Авторы считают, что «решение вождя не было случайным. Огромную роль в этом сыграл героизм, проявленный адыгами во время Великой Отечественной войны – на фронте и в партизанских отрядах, а также самоотверженный труд в тылу» (92).

Похожий ответ предлагает и М. М. Ибрагимов на вопрос о том, почему не был репрессирован «черкесский народ, представители которого также участвовали в повстанческом движении? Ответ на этот вопрос очевиден: именно в горах Черкесии действовало или базировалось большинство партизанских отрядов и края, и Черкесии, и Карачая» (93). К сожалению, автор не подтверждает свой вывод дополнительными данными, а утверждение о том, что Северный Кавказ «стал своего рода полигоном для отработки на практике сталинской национальной политики», ему прямо противоречит, так как действия партизан или их отсутствие не могли в этом случае иметь для И. В. Сталина какого-либо решающего значения (94).

Версии о том, что тот или иной народ должен был подвергнуться депортации (обычно – по «злой воле» Л. П. Берии), и его спасло личное вмешательство И. В. Сталина, который учел его «заслуги» перед Родиной, достаточно давно и широко распространены на Северном Кавказе, представляя собой своеобразные мифологемы массового сознания. Подтвердить или опровергнуть их не представляется возможным хотя бы потому, что свои планы И. В. Сталин далеко не всегда выражал в письменной форме. Однако их проникновение на страницы профессиональных исторических сочинений представляет собой новое явление в развитии современной историографии, отражая усиление ее взаимосвязи с этническим историческим сознанием. В результате, в подобных работах ратные подвиги «своих» этносов затмевают все остальные. Разновидностью данного подхода является излагаемая в ряде работ точка зрения, согласно которой наиболее славные подвиги в войне совершил тот или иной репрессированный народ. Этим подчеркивается историческая несправедливость депортации по отношению к определенному этносу, а не данной акции вообще.

Таким образом, в изучении вопросов советской национальной политики и межнациональных отношений на Северо-Западном Кавказе можно выделить ряд этапов.

Первые работы, прославлявшие и пропагандировавшие дружбу советских народов, появились еще в годы войны. В первое послевоенное десятилетие в диссертационных исследованиях советских историков осмысление темы приобрело научный характер. В историографии отмечалось, что дружба народов региона выдержала суровые испытания в годы Великой Отечественной войны, пропагандировалось их боевое и трудовое сотрудничество, приводились примеры мужества и героизма представителей различных национальностей Северо-Западного Кавказа. Напротив, о негативных фактах в отношениях разных народов, в том числе и о фактах депортаций, первоначально ничего не говорилось.

Только в период «оттепели» данная проблема получила свое отражение в историографии, критике подверглись «деформации» в советской национальной политике, связывавшиеся с культом личности И. В. Сталина, а вина за депортации зачастую возлагалась лично на А. П. Берия. Однако и в последующие годы изучение проблем советской национальной политики и межнациональных отношений на Северо-Западном Кавказе находилось под идеологическим контролем, в силу чего дружбе и боевому сотрудничеству народов региона по-прежнему уделялось значительно больше места. Тем не менее, в 1960–1980 гг. в научный оборот были введены первые документы и появились первые исследования, рассказывающие о депортации и реабилитации карачаевского народа.

В последние годы в развитии историографии проблемы произошли серьезные изменения, сложились различные подходы в трактовке общего характера советской национальной политики. Особенно пристальное внимание уделяется сейчас изучению депортаций и их последствий. В научный оборот введен значительный пласт документов и материалов, появился целый ряд исследований, свидетельствующий о формировании нового направления исследований в современной историографии¹. Однако обращение к данной проблеме в последнее десятилетие нередко носило политизированный характер, выражавшийся, в частности, в попытках «посчитать», какой народ больше других пострадал от репрессий, заострить внимание на несправедливости

¹ Тема депортации настолько «захлестнула» современных исследователей, что порой «подминает» под себя все остальные сюжеты. Так в кандидатской диссертации Х. А. Каратаевой, посвященной женщинам Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, основная часть первой главы, названной «Северный Кавказ в годы войны: двойной удар» посвящена... проблемам депортации чеченцев и ингушей (95).

только по отношению к конкретному этносу. Политизация проявляется в стремлении ряда авторов привести в качестве аргументов «несогласие» или «неприятие» народом тех или иных выводов и работ, привлечь своих оппонентов не только к моральной, но и к юридической ответственности. Резкой критике подвергаются, например, работы Н. Ф. Бугая и А. М. Гонова за «неправильное» объяснение причин депортации, а сами исследователи обвиняются в популяризации «идеи “виновности” карачаевского народа», прямой фальсификации.

Необходимо отметить, что привлечение внимания историков к вопросам депортации и реабилитации не сопровождается дальнейшим расширением круга исследуемых вопросов данной темы. В литературе встречаются лишь отдельные упоминания о межэтнических противоречиях во время эвакуации, антисемитизме и других негативных аспектах межнациональных отношений во время войны. Но постепенно акценты в изучении советской национальной политики и межнациональных отношений на Северо-Западном Кавказе смещаются в сторону создания более полной и обстоятельной картины событий.

Перспективы дальнейшей разработки рассматриваемых проблем связаны с комплексным осмыслением развития межнациональных отношений в годы войны и их отражения в общественном сознании населения региона, что требует поиска новых исследовательских методик, использования достижений современной этнологии и других отраслей гуманитарного знания. Для создания более достоверной картины событий необходимо анализировать не только позитивный опыт взаимодействия разных народов, но и причины, истоки, проявления и последствия межнациональных противоречий военных лет. Необходимо продолжить осмысление феномена депортации и реабилитации в контексте советской национально-государственной политики в целом. Не могут вызывать удовлетворения попытки объяснить депортации «злой волей» одного Сталина, Берии, Суслова или каких-либо других советских руководителей, хотя их истинная роль в данных событиях также нуждается в прояснении. Следует также продолжить изучение дальнейших судеб репрессированных народов, влияния депортации на изменение их образа жизни, социальной психологии и мировоззрения, в чем существенную роль могло бы сыграть использование источников частного происхождения, включая организацию записи устных рассказов уже сравнительно немногочисленных очевидцев событий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Захаров И. З. Деятельность КПСС по укреплению дружбы народов СССР в годы Великой Отечественной войны // КПСС – вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне: историограф. очерк. – М., 1973; Поз-

няк Е. В. Деятельность Коммунистической партии по укреплению дружбы и сотрудничества советских народов в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Историография проблемы): дис. ... канд. ист. наук. – Киев, 1987 и др.

2. Бугай Н. Ф. Проблема депортации и реабилитации народов в трудах ученых Северокавказского региона (гуманитарный аспект) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. – 2000. – № 3–4. – С. 35–42; Цуцулаева С. С. Репрессированные народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: проблемы историографии: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2001; Кринко Е. Ф. Депортация населения Северного Кавказа, ее причины и последствия: историография проблемы // Вторая мировая и Великая Отечественная война: актуальные проблемы социальной истории: материалы междунар. науч. конф., 28–31 мая 2002 г. – Майкоп, 2002. – С. 295–301 и др.

3. В боях с врагом закаляется и крепнет дружба народов СССР. – М., 1942; Калинин М.И. К двадцатилетию образования СССР (1922–1942 гг.). – М., 1942; Горкин А. Красная Армия – армия братства и боевого единства народов СССР. – М., 1943 и др.

4. Корнеев М. Дружба народов СССР – залог нашей победы. – М., 1942. – С. 2.

5. Семакин С.И. Военная печать – боевое оружие Коммунистической партии в укреплении дружбы народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1988. – С. 17.

6. Азизян А. Народы Кавказа никогда не будут рабами // Большевик. – 1942. – № 15. С. 28–37; Винников Н., Бурлаков М. В дни войны: Очерки о кубанских казаках. – Краснодар, 1942; Жанэ К. Адыгейцы в боях за Родину // Адыгейская правда. – 1943. – 6 апреля; Калинин М. И. Битва за Кавказ // Известия. – 1942. – 23 октября; Тихонов Н. Слава Кавказа // Красная звезда. – 1942. – 12 сентября; Шмонин А. Непокоренный Кавказ. – Махачкала, 1943 и др.

7. Эмиров Н. Кавказ в захватнических планах немецких империалистов. – Махачкала, 1943. – С. 33.

8. Кирсанов Н. А. Боевое содружество народов СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Великая Отечественная война: историография. – М., 1995. – С. 176.

9. Шуктомов П. И. Воспитание советских воинов в духе дружбы народов СССР в период Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1951; Матюшкин И. Н. Советская Армия – армия дружбы народов. – М., 1952 и др.

10. Опишанская К. Я. Коммунистическая организация Ставропольского края в период Великой Отечественной войны 1941–1945: дис. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 1954. – С. 292 – 293.

11. Глухов В. М. Адыгя в дни Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. – Майкоп, 1949. – С. 37.

12. Там же. – С. 55.

13. Адыгя в дни Великой Отечественной войны Советского Союза // Адыгейская автономная область. – Майкоп, 1947. – С. 208; Карданов З. К. Народы Черкесии в годы Великой Отечественной войны // Тр. Черкесск. научно-исслед. ин-та яз. и лит. – Черкесск, 1954. – Вып. 2. – С. 183–198.

14. Там же. – С. 219.

15. Опишанская К. Я. Указ. соч. – С. 294.

16. Мнацаканян А. Н. Советская Армения в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ереван, 1954. – С. 6.

17. Новиков И. А. Дружба народов СССР – источник могущества советского государства и его Вооруженных Сил. – М., 1959; Метелица Л. В. Торжество ленинской национальной политики в СССР. – М., 1962 и др.

18. История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 6. – М., 1965. – С. 105.
19. Напсо Д. А. Партийные организации Карачая и Черкесии в годы Великой Отечественной войны // По ленинскому пути: Партийные организации Карачая и Черкесии в борьбе за коммунизм. – Черкесск, 1963. – С. 162.
20. Хутуев Х. И. Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (восстановление автономии балкарского народа): дис. ... канд. ист. наук. – Ростов н/Д, 1965.
21. Захаров И. З. Дружба, закаленная в боях. – М., 1970; Артемьев А. П. Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. – М., 1975; Шакумидов А. С. Дружба, скрепленная в боях. – Майкоп, 1975; Мурадян В. А. Боевое братство. – М., 1978; Кирсанов Н. В боевом строю народов-братьев. – М., 1984; Кравчук М. И., Погребинский И. Б. Проверенная войной. – М., 1985; Тепун П. Д. Деятельность Коммунистической партии по укреплению дружбы народов СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах парторганизаций Северного Кавказа): дис. ... канд. ист. наук. – Ростов н/Д, 1985 и др.
22. Кулаев Ч. С. Партийные организации Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1968. – С. 11.
23. Краснознаменный Северо-Кавказский: краткий ист. очерк. – Ростов н/Д, 1978. – С. 183.
24. Источники Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – М., 1985. – С. 188.
25. Артемьев А. П. Указ. соч. – С. 57 и др.
26. Давыдов И. В. Пропаганда идей дружбы народов в период битвы за Кавказ 1942–1943 гг. // Вопросы истории КПСС. – 1965. – № 7. – С. 25–32; Алещенко П. Б. Партийно-политическая работа в войсках Северо-Кавказского и Закавказского фронтов во время битвы за Кавказ (июнь 1942 – октябрь 1943): дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 1972; Черный В. И. Деятельность кавказских партийных организаций по оказанию помощи советским войскам в период битвы за Кавказ (июль 1942 – октябрь 1943 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 1978; Тепун П. Д. Воспитание трудящихся Северного Кавказа в духе дружбы народов – важнейшее направление идеологической работы партии в период битвы за Кавказ // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI в. – 70-е гг. XX в.): материалы Всерос. науч. конф., 2–3 октября 1979 г., г. Грозный. – Грозный, 1982. – С. 192–199; Хакушев Е. Т. Укрепление боевого союза народов СССР в битве за Северный Кавказ // Там же. – С. 183–192 и др.
27. Очерки истории Ставропольской организации КПСС. – Ставрополь, 1970. – С. 382.
28. Очерки истории Ставропольского края. Т. 2. С 1917 г. до наших дней. – Ставрополь, 1986. – С. 312.
29. Очерки истории Карачаево-Черкесии: в 2 т. Т. 2. Советский период. – Черкесск, 1972. – С. 282–283.
30. Там же. – С. 315–324.
31. Там же. – С. 342–343.
32. Кулаев Ч. С. Указ. соч. – С. 186.
33. Там же. – С. 179–180.
34. Боташев М. А. Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны // Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): материалы обл. науч.-теорет. конф. 1977 г. – Черкесск, 1982. – С. 31, 34.

35. Карачаевцы: Выселение и возвращение: 1943–1957. – Черкесск, 1993. – С. 21–22.
36. Авторханов А. Народоубийство в СССР. – Мюнхен, 1952; Некрич А. Наказанные народы. – Нью-Йорк, 1978.
37. Авторханов А. Империя Кремля: Советский тип колониализма. – Вильнюс, 1990. – С. 187.
38. Там же. – С. 190–191, 194; Авторханов А. Убийство Чечено-Ингушского народа. Народоубийство в СССР. – М., 1991. – С. 5–6.
39. От составителя // Так это было: Национальные репрессии в СССР: 1918–1952 годы. – М., 1993. – Т. 1. – С. 7.
40. Тишков В. А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах: материалы междунаро. конф. 1993 г. – М., 1994. – С. 20–21.
41. Бугай Н. Ф. Государственная политика в сфере национальных отношений в условиях «социалистического эксперимента» // Россия в XX веке: Проблема национальных отношений. – М., 1999. – С. 311.
42. Тишков В. А. Указ. соч. – С. 12.
43. Там же. – С. 21–22.
44. Поляков Ю. А. Историческая наука: люди и проблемы. – М., 1999. – С. 24.
45. Кирсанов Н. А. Боевое содружество народов... – С. 177.
46. Дзидзоев В. Д. Национальная политика СССР, межнациональные отношения и национальные движения на Северном Кавказе: дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 1992 и др.
47. Айбазова Ф. У. Развитие духовной культуры народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 1997. – С. 166 и др.
48. Ибрагимбеги Х. М. Сказать правду о трагедии народов // Политическое образование. – 1989. – № 4 и др.
49. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. – М., 2003.
50. Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. – М., 1992; Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». – М., 1995; Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). – М., 1998 и др.
51. Народы России: проблемы депортации и реабилитации. – Майкоп, 1997; Гонов А. М. Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20–90-е годы XX века: дис. ... д-ра ист. наук. – Нальчик, 1998; Алферова И. В. Государственная политика в отношении депортированных народов (конец 30-х – 50-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. – М., 1998 и др.
52. Куштеров Р. М. Насилие. – Черкесск, 1993; Куштеров Р. М., Куштеров А.-Х. У. Депортация. – Ставрополь, 1994; Чомаев К. Наказанный народ. – Черкесск, 1993; Хунагов А. С. «Выселить без права возвращения...»: Депортация народов Юга России: 20–50 годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). – Майкоп, 1999; Шаманов И. М., Тамбиева Б. А., Абрекова Л. О. Наказаны по национальному признаку. – Черкесск, 1999; Аджиева Э. А. Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: причины и следствия (на примере карачаевского и балкарского народов): дис. ... канд. ист. наук. – Карачаевск, 2001 и др.
53. Бугай Н. Ф. Депортационные процессы на Кубани: их последствия // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). – Майкоп, 1992. – С. 157–180; Российские немцы на Дону, Кавказе, Волге: материалы рос.-герм. науч. конф., 22–26 сентября 1994 г., Анапа. – М., 1995; Кичихин А. Как депортировались российские немцы // Народы России: проблемы депортации и реабилитации. – С. 9–28;

Коцонис А. Н., Меланифиди Г. Ф. «Российские греки»: проблемы национально-культурного возрождения // Там же. – С. 101–109; Хунагов А. С. Указ. соч.; Линец С. И. К вопросу о судьбе советских немцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны // Проблемы этнополитических отношений на Северном Кавказе: сб. науч. ст. – Ростов н/Д – Пятигорск, 2001. – С. 105–111; Плохотнюк Т. Н. Российские немцы на Северном Кавказе. – М., 2001 и др.

54. Тебуев Р. С., Хатуев Р. Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. – М.; Ставрополь, 2002. – С. 160–172.

55. Койчуев А. Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – Ростов н/Д, 1998; Малышева Е. М. Испытание: Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – Майкоп, 2000 и др.

56. Репрессированные народы: история и современность: тез. докл. и сообщ. всерос. науч. конф., 22–29 мая 1992 г. – Элиста, 1992; Репрессированные народы: история и современность: материалы II-й всерос. науч. конф., 1–2 ноября 1993 г. – Карачаевск, 1994; Репрессированные народы: история и современность: тез. докл. и сообщ. III-й всерос. науч. конф. – Нальчик, 1994 и др.

57. Депортации народов СССР (1930–1950-е годы). Ч. 1. – М., 1992; Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации, 1990–1992: Документы и материалы. – М., 1993; Реабилитация репрессированных народов и граждан, 1954–1994. – М., 1994; Депортация карачаевцев: Документы рассказывают: сб. док. – Черкесск, 1997 и др.

58. Так это было: Национальные репрессии в СССР, 1918–1952 годы. – Т. 1. – М., 1993. – С. 7–17 и др.

59. Алиев И. Шлейф бед и страданий // Так это было... – Т. 2. – С. 14–15 и др.

60. Карачаевцы... С. 43–44; Чомаев К. Указ. соч. – С. 27; Коновалова О. В. Карачаевцы: трудное возвращение из пятнадцатилетней ссылки // Проблемы истории Северного Кавказа и современность: Тез. докл. III Междунар. конгресса по программе «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру», 18–21 сентября 2001 года. – Пятигорск, 2001. – С. 36 и др.

61. Узденов М. И. Политика геноцида народов: причины, сущность и цели // Репрессированные народы: история и современность. – Элиста, 1992. – С. 23–24; Алиева С. Красноречивая деталь // Так это было... – Т. 1. – С. 260 и др.

62. Тебуев Р. С., Хатуев Р. Т. Указ. соч.

63. Хунагов А. С. Указ. соч. – С. 7–8; Бугай Н. Ф. Проблема депортации и реабилитации... – С. 39.

64. Гонов А. М. Проблемы депортации... – С. 17.

65. Тебуев С. Предисловие // Депортация карачаевцев... С. 8–9; Алиева С. К. Материальная и финансовая помощь трудящихся Северного Кавказа Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Адыгейской, Карачаевской, Черкесской автономных областей и Кабардино-Балкарской АССР): дис. ... канд. ист. наук. – Карачаевск, 2001. – С. 14–15 и др.

66. Черняк Э. В. Национальная политика в тоталитарном обществе. – Казань, 1993. – С. 6.

67. Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину... С. 5.

68. Койчуев А. Д. Тоталитаризм и фальсификация роли малочисленных народов Северного Кавказа в Великой Отечественной войны как причина депортации целых народов // Вестн. Карачаево-Черкесск. гос. ун-та. – Карачаевск, 2001. – № 5. – С. 36–54.

69. Алиева С. Красноречивая деталь... – С. 261; Хапчаев Р. И. Организация и управление хозяйственно-трудовой деятельностью и этнополитическими процессами на

родов Северного Кавказа (1943–1957 гг.): автореф... дис. канд. ист. наук. – Пятигорск, 2001. – С. 19.

70. Куцетеров Р. Указ. соч. – С. 169.

71. Тишков В. А. Указ. соч. – С. 24.

72. Буров А. Н. К вопросу об основных причинах депортации «наказанных» народов // Репрессированные народы: история и современность. – Элиста, 1992. – С. 59–60.

73. Бугай Н. Ф. Депортационные процессы на Кубани... – С. 158; Иосиф Сталин – Лаврентию Берию... С. 285; Некрич А. Наказанные народы // Родина. – 1990. – С. 32.

74. Алиев И. Указ. соч. – С. 20.

75. Линец С. И. История организации партизанского движения на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны: состояние и перспективы исследования проблемы // Вестн. Пятигорск. гос. лингвистич. ун-та. – 2000. – № 2. – С. 28.

76. Котов В. И. Депортация народов Северного Кавказа: кризисные явления этнодемографической ситуации // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. – Майкоп, 1994 и др.

77. Репрессированные народы: история и современность: Материалы II-й всерос. науч. конф., 1–2 ноября 1993 г. – Карачаевск, 1994 и др.

78. Так это было... – Т. 1. – С. 16.

79. Аджиева Э. А. Указ. соч. – С. 60.

80. Шнайдер В. Г. Социокультурные основания акта депортации ряда народов Северного Кавказа в 1943–1944 гг. // Вестн. Армавир. ин-та соц. образования (филиала) МГСУ: Науч. и учебно-методическ. ежегодник. – 2003. – № 1. – С. 191.

81. Тебуев Р. С. Депортация карачаевцев: причины и последствия // Депортация карачаевцев... – С. 25.

82. Калтахчян А. Реабилитация репрессированных народов России: первые практические шаги // Этнополитический вестник. – 1992. – № 2; Гонов А. М. Северный Кавказ: реабилитация репрессированных народов, 20–90-е годы. – Нальчик, 1998 и др.

83. Карачаевцы... – С. 3.

84. Тебуев Р. С. Возвращение карачаевцев на историческую родину и начало возрождения народа // Вестн. Карачаево-Черкесск. ин-та гуманитарных исследований. – Ставрополь, 1999. – Вып. 1. – С. 69.

85. Дзидзоев В. Д. Указ. соч. – С. 212–213.

86. Алиев И. Указ. соч. – С. 21.

87. Некрич А. Наказанные народы // Нева. – 1993. – № 10. – С. 275.

88. Алиев И. Указ. соч. – С. 25.

89. Тебуев Р. С. Возвращение карачаевцев... – С. 70; Аджиева Э. А. Указ. соч. – С. 96–132 и др.

90. Муравьев В. Миграции на Северном Кавказе – следствие переселений народов // Народы России: проблемы депортации и реабилитации. – С. 122–124.

91. Карачаевцы... – С. 5 и др.

92. Земля адыгов. – Майкоп, 1996. – С. 311.

93. Ибрагимов М. М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны: На примере национальных республик Северного Кавказа. – М., 1998. – С. 310.

94. Там же. – С. 287.

95. Каратаева Х. А. Трудный путь к победе: женщины в годы Великой Отечественной войны (на материалах партийно-государственных организаций Северного Кавказа): дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1994.